

Евгения Черноховская

Р А С С К А З Ы

ПИСЬМО ИЗ ЖЕЛТОГО ДОМА

Найдено в бумагах бывшего начальника овощной базы, а затем сторожа при кусткмере, умиртвившего себя при попытке выколоть один- правый глаз своей, так как он находил его решительно бесполезным.

Петру Великому, Самодержцу всея Руси.

Петр Алексеевич! Один ты оценить бы мог проекты мои, плод озарений внезапных. Ты, ненавидевший бессмысленную и неопрытную землю. Поля должны порядку подчиняться и колосья как солдаты на параде стоять, а золотые им единообразные мундиры от природы дадены, которая разумной иногда бывает. Но камень- вот единственное дисциплинированное на земле вещество. Город твой- прославление его, но единственней и одинок. Отчего не размножил ты его? Если гранит невиский разломать на зернышки небольшие, да в землю побросать, многие из них возросли бы и много на земле Петербургов быть могло в назидание хаосу. Многие постиг я в темноте кельи своей, но вот что в основу всего положила:

ПРЕДМЕТЫ ПРЕУВЕЛИЧЕНЫ БУДУЧИ СМЫСЛ СВОЙ НЕПРЯМОМЕННО МЕНЯЮТ. Так, ежели вырастить кошку величиной хотя бы с дом двухэтажный, глаза животного равными станут окнам большим и во тьме они, натурально светиться будут светом зеленватым. Если кошку преувеличенную привести на берег моря да на цепь посадить, то служить она может маяком прекрасным. Это и экономия электричества большая.

Второй предмет, который преувеличен будучи пользу большую приносить сможет- кухонная обыкновенная кастрюля. Надежная и устрашающая тыряна бы вышла- преступников в одну опускали бы на веревках. На прогулки выводить их не надо, так

как крышка ватрульня только на ночь бы закрывалась, днем же в избытке воздух к преступникам проникал. Побег стал бы делом невероятным, а высота стен, а также блеск, ужасный металлический страх громадный на преступников наводил и к раскаянию побуждал самых даже закоренелых.

А вчера привиделась мне рыба-сом громадных размеров, шла на хвосте она от Каспийского моря на север и рот разевала, но пользы от одного сома извлечь не мог. Отчего долго плакал, а потом смеялся до тех пор, пока смех мой не отделился от меня и запрыгал наподобие лягушки передо мной мною вскочив на стол и квакая. Розовый сом бня и горы уральские ему до плавников доходили, но бесполезный, решительно бесполезный.

Имею еще секретное донесение о том, что видел, зашедши на днях в кунсткамеру: голова монских из банки выскочив, посетителей подзывала и государственные тайны им рассказывала, какие в точности не знаю, я подошел когда-ухмыльнулась и - "уйди, доносчик", - сказала.

Имею еще один проект насчет ношения на голове волос. Отчего не сбрить их совсем? А голову бы семенами полезными засеять, ведь раз волосы на ней растут, то и пшеница может. Это и пользе и красоте бы способствовало. Первое время, чтобы общественное мнение к этому нововведению приучить, надо бы насильственно сеять пшеницу или овес только на тунейдках. Таким образом они и не работая пользу все же и нехотя бы приносили.

А из сома-то может коняшку сделать ежели набальзамировать, да в городе поставить, а к нему лестницу, всякий бы для обозрения видов бы поднимался и уходя пятак в насть бросал - деньги бы в казну шли на пользу государственную.

Неустанно, неустанно величивается разум мой в неведомое.

Раздражает оно меня подобием своим пятну чернильному.

Расчислил я сие болото наподобие Васильевского острова.

Прикажи освободить меня из темницы в которую завистью заточен и множество планов и изобретений великих тебе открою.

УОДИ, НЕ СНИСЬ, КРЫСИНЫЙ ХВОСТИК.

Три дня он бегал по комиссионным и все продавал. Продавцы презирали его поношенные вещи и его самого, такого же. Дома было пусто и холодно, выпить нечего, и когда он уснул, то стали сниться ему страшные сны. Снилось ему сначала, будто стоит он на полке в комиссионном магазине, стоит неподвижно и надпись под ним — рубль. Но все проходит мимо, безразлично смотря на него, проходят, проплывают, и никому он не нужен даже и за рубль. "Да вчера на рынке таких вот продавали сколько хочешь по тридцать копеек, а за этого рубль плати", — говорит проходя пожилая женщина в белом платке.

За окном льет дождик, все проходит, проплывает как дождь, только не вниз, а в сторону. Вдруг замечает он какое-то странное смятение, смотрят все куда-то в одну сторону, замерев, готовые броситься вперед по какому-то неизвестному сигналу. И закричал кто-то — Покупают! Покупают! Бросились все куда-то. Сошел и он с полки и пошел в ту сторону, куда и все — что это там покупают? Деньги-то ой как нужны. Видит — эстрада стоит деревянная, вокруг толпа, волнуется вся, шелестит. На эстраде девушка стоит и молчит, а из толпы ее спрашивают: правда ли что покупают. Правда ли что по восемьдесят рублей дают? "Подождите, товарищи, не нерничайте, сейчас все узнаете", — говорит она, причастная к тайне. Все стоит, ждут. Наконец что-то зашумело что-то за кулисами приближаясь... Вынесли на сцену стол, вышли люди в черных костюмах, за стол сели. Один из этих людей встал и говорит:

"Товарищи, мы — комиссия по покупке крыс. Дело это новое, работаем мы в экспериментальном порядке, все, так сказать, внове. Сегодня покупать будем крыс любой породы по 75 рублей за штуку." Толпа радостно загудела, заулыбалась. "Но граждане должен вас предупредить, что крысы должны

быть в санитарном виде, в антисанитарном состоянии покупать не будем. Галля, продемонстрируйте, пожалуйста, крысу в том виде, в каком она может быть куплена." Из-за кулис вышла девушка, неся в руке бумажный пакет, из которого она вынула обезглавленную, но очень чистую крысу, правда несколько капель крови видны были в том месте, где голова соединялась с туловищем. Тут ему стало очень тошно, он отошел в сторону и его вырвало, потом он снова вернулся в толпу. "Спокойно- говорил он себе- конечно, противно, но что сделаешь? Ведь так дорого платят, за крысу паршивую столько денег. Вон и люди, ведь им тоже противно, а стоят не уходят. Двадцать крыс- и машину купить можно. Вот только голову я отрубить не смогу, этого я вот не смогу. Но надо ведь..."

Тут из толпы кто-то крикнул: "Скажите, а обязательно без головы сдавать?"

"Нет, граждане- ответил человек в черном костюме- не обязательно. Мы принимаем крыс как с головой, так и без нее. Однако должен вам заметить, что за первых мы платим на три рубля больше, чем за вторых.- Он полез в карман, достал оттуда что-то маленькое, серое и сказал- За голову мы платим три рубля."

- А как их ловить? шепотом спросил кто-то в толпе, а потом опять кто-то громко спросил об этом.

"А это уж зависит от смекалки и изобретательности каждого из вас, товарищи, но могу сообщить вам один довольно простой способ ловки, вы должны купить уже мертвую крысу и использовать в виде приманки."

Тут появился человек с лотком на шее: "Кому крысы свежие, дешевые! Кому крысы свежие, дешевые!"

Все бросаясь к нему. Он видел как люди отходили от продавца с крысами, завернутыми в бумагу. Бумага была красна от крови, и из нее торчал красный тоненький хвостик.

Его опять вырвало. Потом он встал в очередь и через полчаса получил свою крысу, мягкую как котлета, и пошел, куда шли все, куда-то на окраину, где водились крысы. Он подумал, что крысы ведь чувствуют надвигающуюся беду, они зна-

мая, что крысы ведь чувствуют надвигающуюся беду, они знают, когда корабль утонет или когда их будут ловить, и давно ушли куда-нибудь в другой город.

СНЫ

Мне было стыдно так долго, что я стала бесстыжей. Музыка вдалеке, скрипач на потолке, он играет. Уйдите все, я так счастлива, мне некогда помнить, я все забыла.

Лучше уснуть. Глубже, на самое дно, где главный скелет позабытого, где корветы — это еще похоже на детскую энциклопедию — так подробно, так красиво — корабли, птицы, бусы, электрические провода, по которым течет белый молочный ток.

Желтый сухой ветер, смерч, встающий посреди двора, повозки, летящие по улицам без лошадей, без людей. Вместо земли — лимонная корка. Ни одного человека на свете, я одна, совсем не страшно, хотя я вижу как по небу плывет отрубленная голова. Голова живая и красивая, летчик без самолета. Отрублена наискось. Летит и смотрит вдаль туманными глазами фанатика. Ты, бедная, знала для чего тебя отрубили. Из шеи медленно падают бомбы, кружась как листья.

Каждую ночь, мне снится дом, где я жила в детстве. Волят его двери, гноятся окна, орел железный над воротами вывихнул шею. Я его навестила. Не снись мне больше. Правда, я была пьяная и упала посреди двора.

Снег таял и чернел от слез. Дом, похожий сверху на иероглиф, шумел надо мной.

Я пришла домой вся в бутылочных стеклах, мама вынимала их из горла, а я ничего не замечала.

Опустевший город, все тот же ветер желтый, опрокинутые повозки, навстречу бегут три крысы и два испуганных большеглазых котенка за ними.

На булочной вывеска, на ней надпись "Бог + ангелы".

Я лежу больная вся в бинтах, перед кроватью человек в галифе очень противный на коленях. "Я люблю его", — говорю я всем, почему-то указывая на него пальцем.

Ветер желтый как свет в окнах в сумерки. Когда в сумерки в окнах горит свет, кажется, что комнаты до краев залиты чаем. Спускается ангел, снимает свою голубую кожу, растегижает позвоночник и уходит в реку.

26 декабря 67

БОЛЕЗНЬ

Как сытая желтая корова лежала его толстая шея на воротнике и не шевелилась пока. А он ждал, пил жирный шоколад из фарфоровой чашки и ждал, сидя на циновке в своей лавке, где торговал раньше свечами. Теперь они стояли вокруг него, никому не нужные, целые рожи белых обыкновенных свечей, свечи огромные как бочки или с острыми наконечниками для именинных пирогов. Как вдруг тело его дернулось как дергается поезд перед отправлением, шея начала медленно припучивать, и все тело его вдруг хлинуло, разрывая костюм, вдруг побежало, как иногда убегает тесто, забытое хозяйкой. Он заорал дико и схватил лежавший перед ним пистолет, который становился все меньше и меньше в его вспухающей руке. Он выстрелил несколько раз в сердце и все-таки еще живой рванулся в дверь, она была ему по грудь теперь, проломил стену и упал на улицу, где уже лежало много других трупов, огромных и розовых как пироги.

А первой была монахиня, которая незапрошлой ночью вдруг начала расти во все стороны, пока не затопила собой весь монастырь. Сестры проснулись оттого, что в их кельи что-то мерно и глухо било все сильнее. Думали- наводнение. Зажгли свечи и увидели клубящиеся в дверях вали тяжелой человеческой плоти. Кто выбрасывался в окошко, кто залезал под кровать крестясь. А она все металась, не понимая, что с ней. Раньше она была самая маленькая и незаметная и любила вязать. Наконец она проломилла стены, и тяжелый купол разбитого монастыря упал ей на грудь как лифчик.

А теперь в городе все умерли, и над трупами носилось странное существо, одетое в тело голубое и легкое как пламя свечи. "Зачем- бормотало оно- жадная плоть поедает душу, без которой не может жить? Отчего всякая новорожденная душа сразу подвергивается плоти?" Стояла жара. Существо это, похожее на кузнечика, еще покружилось и улетело.

ОГОНЬ НЕБЕСНЫЙ

На телеге стояла лошадь. Молчаливая толпа бежала за телегой и громко дышала, и гнедая лошадь высоко поднимала морду, чтобы дыхание их не касалось ее ноздрей. В бочке налитой до краев водой дымились черная и слепая женщина. Она горела как горит нефть в озерах, хотя вода в бочке была холодная и темная. За телегой в два ряда шли монахини и молились вполголоса как жужжат пчелы. Показали копыта и шипела женщина в бочке, догорая.

В тот день в зимнем южном городе из окна кирпичного монастыря вдруг пошел дым. Монахини с ведрами бросились к двери, из-под которой шел дым, и увидели, что деревянный стол, кровать, образ стояли себе целехоньки, а на полу лежала и горела монахиня, известная своим примерным поведением и долгими постами. Сухо потрескивала кожа, монахиня уже не вопила, а только тихо мычала, сжав губы. Волосы ее сгорели и на голове красная кожа потрескалась. Вода помогла лишь немного. Вдруг монахиня открыла рот и сказала голосом шелестящим как хлопья сгоревшей бумаги— Отнесите меня в церковь Вознесения. Да в бочку, дуры, с водой посадите.

В церкви ее отнесли в помещение за алтарем, она перестала гореть, ее вынули из бочки, она легла обугленная прямо на пол перед иконой и сказала, что хочет исповедаться. С крестом подошел к ней священник— Покайся, какой невозможный грех ты совершила, что Господь при жизни ввергнул тебя в геенну огненную? — Послушай— сказала она внезапно ясным и звонким голосом. Двадцать лет я вела жизнь праведную, в молитве и постах, вся высохла и пожелтела, перепутала ночь и день. И за это сошла на меня благодать. Голова закружилась и я увидела под ногами своими облака. И справа и слева и надо мной были облака, и между ними узкий переулочек, по которому я шла. И в конце его на краю неба сидел Господь в окружении ангелов, и от крыльев их шел пар как от кипятка. Господь сидел за деревянным столом, анге-

ли стояли на коленях, над ними чуть пошатывалось закатное солнце. Ангелы стояли на коленях перед солнцем как перед большой коровой и доили его в кувшины. И когда кувшины наполнились до краев насыщенным закатом, ангелы поставили их перед Господом. Один из них сказал- Цей, Господи. Господь поднес вино к губам и другие все тоже. Вдруг он взглянул на меня, озноб прошел по моей коже и стало жарко внутри, а снаружи холодно. Господь сказал- Выпей с нами. Твое здоровье. Но я не могла сделать ни шагу, хотя и старалась, а только смотрела на него. Тогда один из ангелов подошел ко мне и протянул крыло.- Что ты делаешь- закричали все- Она ведь еще земная. Но он уже дотронулся до меня, и рука моя вспыхнула как сухое дерево. И все кончилось. Ни о чем не жалею.

- Господь с тобой, Господь с тобой - бормотал священник крестясь. И тяжело повернувшись на коленях к иконе, шептал молитвы, не зная верить или нет. Над ним висел Христос, тусклый, спокойный и строгий. Пламя желтых свечей качалось в его голубых глазах.- Отверой мне, Господи,- бормотал старик- отчего так переменчиво лицо твое. Дай мне увидеть тебя и потом сожги, если хочешь. Отчего ты переменчив как девица не вошедшая в возраст? Или и у тебя есть времена года? И жестокость находят на тебя как осень беспричинно? В храме было много народу, тесно и душно. Люди касались друг друга плечами, дышали друг другу в затылок и не сторонились, но им все равно было страшно, потому что нет ничего страшнее чуда. Вся ночь они молились в этой маленькой церкви в конце переулочка на горке. Иногда кто-нибудь тихо выскальзывал за дверь, и на его место вползала другая тень с улицы. Под утро, когда голые кусты и крест на церкви четко были видны на светящем небе, блудница усталая и не надевшая себе в эту ночь рабства сидела на паперти и ждала, когда можно будет войти помолиться. Ветер поднимал ее волосы дыбом, небо розовело, губы ее были бледнее заката. Она вдруг встала на колени прямо на каменных ступенях и долго молилась, хотя думала, что Господь там в церкви со

многими, а не с ней одной на холодной улице. — Не покидай меня, Господи, сказала она напоследок — не покидай меня на рассвете, когда так сухо в горле и голова болит с похмелья. Она встала с колен и увидела, что совсем уже утро и наступает весна. Она побрела домой, касаясь рукой теплых веток. И не было на душе ее грехов ни прошлых, ни будущих.

А в горах над городом плавали люди с крыльями, невидимые никому. — Прощай — говорили они человеку без крыльев, плачущему, розовому в белой рубахе, — провинившемуся ангелу, который протянул крыло женщине. Господь превратил его в человека. — Прощай — говорили ангелы и тихо поднимались, не качая крыльями, уплывали вверх. Последний морщась и чернея махнул крылом пред лицом провинившегося, и тот потерял память и побрел по тропинке в тумане уже не плача. Наступала весна. Зеленые листья с шипением вылетали из почек.

28 марта 67

БАБУШКА

Страшно было умирать бабушке. Бедная черная бабушка, ворона в платочке, волк в чепчике, мне всегда жалче птиц и волков больше, чем людей. Страшно было умирать бабушке. "Все умрут, все умрут!" - кричала она умирая. Ослобленная тюрьмой и ссылкой, да и вообще не больно-то добрая, этим она утешалась. Я нельзя было жить в Ленинграде, но она все-таки жила здесь. Она очень любила своего пятилетнего внука. Когда нянька водила его гулять, бабушка шла сзади, чтоб ее не узнали, и смотрела на него. "Все умрут, все умрут", - кричала она в бреду, внук ее проснулся однажды ночью от ее крика и оставил себе на завтра подумать о том, что это значит - все умрут.

Но завтра его увезли к знакомым и оставили там на несколько дней, а когда он вернулся, сказали, что бабушка уехала. Вот и хорошо, подумал он, что она больше не лежит целыми днями, а ходит как все люди. А потом ночью он вдруг подумал - что это - все умрут? И я умру, выходит. Он знал до этого, что люди умирают, и видел скелеты и гробы на рисунках, но все это как-то его не касалось. Он думал - есть люди живые и есть люди мертвые, разные породы людей, как у собак - бульдоги и таксы. Я родился живым, мне повезло. А бабушка говорит - все умрут, - значит и я, и она, и мама? И каждого положат в такую коробку, заруют в землю, каждого отдельно, и лежи там. Умереть - это значит - кожа с тебя упадет и ты останешься в одних костях. Умереть - это все равно, что повзрослеть, делов-то. По расписанию, сначала ты ребенок, выросший потом, а потом мертвый - просто еще взрослее. "Мама, - сказал он, высунувшись из-под одеяла, а может бабушка умерла?" - "Да, - ответила она, - кто тебе сказал?" - "Я догадался. Слушай, а я тоже умру?" - "Не знаю, может быть и нет." Он лежал и глядел в темноту, ему вдруг стало так страшно, что даже говорить он не мог. Я такой теплый, такой живой, такой хороший. Мои бедные ребра. В темноте. В доме напротив горело окно, ходили какие-то тени. Он вдруг понял - она нас заразила. Мы были живые, а она заразила нас смертью, и будем все лежать в темноте, в коробке. "Противная бабка, дура", - бормотал он и плакал.